

Адам, Ева и кувшин с вином

Рисунки Зураба Церетели в "Доме Нащокина"

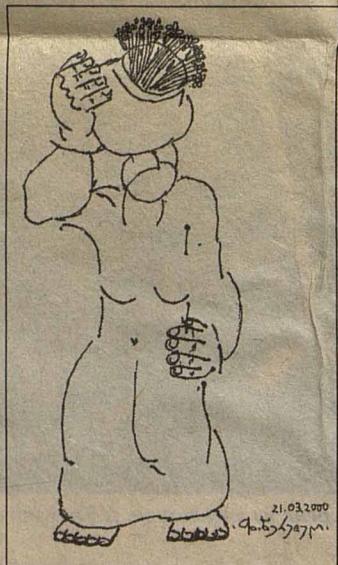
Культура. - 2002. - 28 марта - Зап. - с.8

"Дом Нащокина" – поистине гордость Москвы, художественная галерея, стяжавшая благодарность и признательность россиян и мировую известность своими экспозициями современного и старого русского искусства, неизменно самого высокого уровня, самого тонкого вкуса. Помещающаяся в классическом особняке XVIII–XIX веков, связанном с именем друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина, галерея является собой яркий и достойный подражания пример того, как исторический памятник Москвы, бывший некогда очагом высочайшей духовной культуры своей эпохи, в наши дни остается тем же, служит делу просвещения, связывая наше великое историческое прошлое с настоящим, воспавляя патриотизм в самом высоком, самом прекрасном смысле этого слова. Достаточно назвать имена художников, чьи работы представляли на стенах "Дома Нащокина", великих классиков – Карла Брюллова, Алексея Венецианова, Ореста Кипренского, а рядом – ярких талантливых мастеров ХХ века Дмитрия Краснопевцева и Михаила Шварцмана, Татьяны Назаренко и Наталии Нестеровой, Владимира Вейсберга и Анатолия Зверева...

Ныне в стенах галереи экспонируются графические работы Зураба Церетели – рисунки и акварели. Для тех, кто знает Церетели лишь по его монументальным работам, а еще более по тем тенденциозным и недобросовестным выпадам, которыми вот уже второй год не устают кусать мастера "папарацци", выставка окажется чем-то совершенно неожиданным. Тот, кому действительно известно творчество Церетели, кто был на его выставке в Малом Манеже в 1998 году, только еще раз убедится в ярости и самобытности этого удивительного мастера, чье неуемное, фонтанирующее творчество проявляет себя буквально во всех видах и жанрах изобразительного искусства.

Рисунок, быть может, – самое органическое, самое естественное проявление натуры художника. Рисовать для него – то же, что жить. Он рисует всегда и везде – в пути, на заседаниях, во время разговора с самыми разными людьми: без церемоний, не спрашивая разрешения, набрасывает фломастером в альбом черты собеседника, запечатлевая свое непосредственное, сиюминутное впечатление от заинтересованного его человека. И уходит от

действительности, "раздаивает" свое сознание, совмещая деловые интересы, проблемы, трудности, которые ему непрерывно приходится разрешать, с воспоминаниями, интимными переживаниями, настроениями, которые никогда не умирают в душе, не тускнеют в глазах художника.

Люди его любимой Грузии, встреченные на горных тропах во время этнографических экспедиций, которыми так увлекался Церетели в молодые годы, увиденные на базарах и улочках старого Тбилиси, тоже, что и в живописных работах горшечники, торговцы, дворники, уличные музыканты – характерные грубоватые корявые фигуры, явно утрированные, но всегда на редкость живые, с тяжелыми кистями наруженных рук, предстают в рисунках индивидуально, укрупненно, занимая собой все пространство белого листа бумаги. Церетели извлекает их из небытия, из глубин своей зрительной памяти, выводит на первый план, представляет во всей их монументальной значительности. На какой-то миг эта грузкая старуха, продавщица глиняных кувшинов; этот ненадолго присевший отдохнуть скрипач с могучими плечами и руками крестьянина и тонким одухотворенным лицом артиста; этот босоногий, самозабвенно отдающийся музыке игрок на свирели; эти две женщины в покрывалах, не то играющие в какую-то игру пальцами рук, не то сложившие ладони в безмолвной

молитве, занимают все внимание художника, а вместе с ним и зрителя, оказываются в "центре мицдания" – и отходят, уступают место другим, все новым и новым людям, сливаются с ними в пеструю, многоголосую толпу.

Сделанные мелким штрихом "мохнатые" черные линии рисунка тушью быстро и точно обегают контур фигуры, сразу же, одним уверенным движением руки очерчивают ее силуэт, оставляя нетронутым пространство белой бумаги и в то же время передавая объем человеческого тела, его весомость, его живую, полноценную плоть. Иногда – как в фигуре сидящей женщины с букетом цветов – линии утончаются, сводятся буквально к счищенным скользким штрихам; белый фон и растворяется в себе фигуру, и выявляет, "подает" ее особенно весомо – так работали в графике Матисса, Пикассо, столь почитаемые и любимые Церетели.

Рисунок остается основой и его акварелей – всегда очень ярких, насыщенных звонкими, открытыми цветами, резкими сочетаниями желтого, красного, синего, зеленого с белым – оставленной нетронутой бумагой – и черным – тушью. Те же, что и в рисунках, воскресшие и преломившиеся в памяти художественно обостренные типы – дворники, торговцы, нищие, просто мужчины и женщины – в цветных композициях обретают большее обобщение и отстранение. Они как бы уводятся в некий особый, фантастический, звенящий цветом скандинавский мир, возносятся над землей, над скопищем мелких домишек, уходят из реального времени в иное вневременное пространство.

Опаленные огненно-красной охрой фигуры обнаженных женщин, влюбленных пар легко могут ассоциироваться с Адамом и Евой, с первозданным человеком, вылепленным из той же красной глины, что и деревенские кувшины, из той же земли, которая стала краской для художника.

Иногда, как в фигуре старого грузина в белом фартуке, в дворнике с метлой возле мусорной корзины, акварель остается жидкой и прозрачной, скорее подцветкой, чем цветом. Краски звучат локально, открытыми желтыми, синими, кирпично-красными оттенками. Ино-

гда, как в рисунке торero на взметнувшемся задними ногами разъяренном быке, краска обретает максимум плотности, доступной акварели, сливаются в на редкость красивый гармоничный цветовой аккорд.

Графика Зураба Церетели, как, впрочем, и его масляная живопись, делается им без всякого предназначения. Без расчета на тиражирование, на воспроизведение в книге в качестве иллюстраций, на продажу, даже просто на экспонирование. Не носит она и характера подготовительных работ, накопления художественного багажа, который потом как-то реализуется в монументальных заказных работах. Нельзя даже сказать, что она делается "для себя", ради каких-то собственных творческих целей, в качестве эксперимента, пробы и т.п. В натуре Зураба Церетели нет такого противопоставления: для себя – и для зрителя (потребителя, покупателя, критика и пр.). Все, что он делает, в том числе и большие заказные монументальные вещи, он каким-то образом делает "для себя" – вкладывает в них ту же неудержимую фантазию, ту же нерасторченную энергию, ту же радостную детскую потребность творить, лепить, раскрашивать, что и в каждый альбомный набросок, сделанный на заседании президиума Академии художеств между разговорами о проблемах финансирования и ремонта Суриковского института, отстаивания прав художников на творческие мастерские, сохранения наследия умершего мастера, спасения галерей, помещение которой кто-то под тихую умудрился продать "новому азербайджанцу" – и так далее, и так далее, без конца.

...С фотографии в каталоге смотрит, лукаво и весело улыбаясь, удивительно похожий Зураб – с яркими, красно-желто-синими подтяжками на загорелых, лица золотистой охры, обнаженных плечах, с кистью в руке над густо залепленной пестрыми красками палитрой; словно сошедший с собственного рисунка – плоть от плоти своих героев, своего, так дерзко воравшегося в нашу жизнь, всегда интересного, всегда неуемного и неизменно талантливого искусства.

Мария ЧЕГОДАЕВА